

© 1992 г., ЭО, № 2 И. Д. Хлопина

ГОРНАЯ ШОРИЯ И ШОРЦЫ*

Сведения о мировоззрении, верованиях, обрядах были записаны в 1927 г. в улусах Байгол, Усть-О, Атла, Улабыш, Кечин, Верхний Пызас, от камов Данилы, Такена, Казакова, от вдовы кама Степана, от Алексея, от камки Татьяны, камки Дарьи и Николая.

О м и р о з д а н и и. Вначале не было ничего, был только бог («кудай») Ульген и еще бог ниже рангом — Эрлик, вероятно, родственник Ульгена. Ульгену стало скучно от окружающей его пустоты, и он создал три неба. На нижнем он поместил своего сына Пактан-Пугра, на среднем духа — Кёйкюш, а на верхнем устроился сам со своей женой Чаашин (некоторые камы называли ее Солтон).

Но пустота все-таки оставалась, и он, чтобы ее заполнить, создал солнце, луну и звезды, а после них ровную, гладкую землю и на ней — реки. Эрлик сначала смотрел на все это, потом решил принять участие и поставил на ровной земле горы. Самая красивая из них была Согра, он взобрался на нее и стал создавать птиц и зверей. Ульген тогда создал человека, но душу ему, как ни старался, создать не мог. Но человек не мог жить без души, а Ульген не знал, где ее взять, и отправился искать. Оставить человека одного он побоялся и оставил около него собаку, приказав ей охранять его и не давать никому в обиду. Все это видел Эрлик, и, как только Ульген ушел, стал подходить к человеку, но собака огрызнулась и не подпустила его. Эрлик увидел, что собака голая, и сказал ей: «Плохо будет тебе зимой без шерсти, ты замерзнешь. Я тебе сделаю шерсть, если ты подпустишь меня». Собака согласилась, подпустила Эрлика и сразу обросла длинной шерстью. А Эрлик, подойдя к человеку, наплевал на него, добавил грязи, размазал и ушел.

Через некоторое время Ульген, не найдя души, вернулся и увидел человека, вымазанного грязью, и собаку, покрытую шерстью. Он учинил допрос, и собака ему все рассказала. Его охватил гнев.

Потом Ульген стал думать и сообразил, что Эрлик наверное знает, как человеку сделать душу. Он позвал его и спросил об этом. Эрлик сказал, что душу человеку он сделать может, но тогда уж душа человека будет всецело принадлежать ему, а тело пусть остается Ульгену, раз он его сделал. Ульгену ничего не оставалось, как согласиться. Эрлик пошел в тайгу, сорвал стебель дягиля — *кобрак*, полый внутри, и сделал из него трубку. Подойдя к человеку, он вдунул ему душу через рот. Поэтому после смерти человека он всегда берет душу себе. Эта душа называется *узут*.

Ульген разозлился на Эрлика и стал думать, как бы ему отомстить, и придумал изгнать его с земли, не оставив на ней места. Он так и сделал, ведь он создал землю и был на ней хозяин. Эрлик узнал об этом, пришел в отчаяние, стал плакать и жаловаться, что ему негде жить, и просил уступить ему хотя бы часть земли, но Ульген отказал ему наотрез и был неумолим. Эрлик стал выпрашивать хотя бы то местечко земли, на которое опирается трость Ульгена. На это Ульген согласился, и, как только поднял с земли свою трость, из ямки стали выползать на поверхность все гады — змеи и насекомые, а сам Эрлик провалился через эту дырку под землю и с тех пор там и живет.

* Окончание. Начало см. СЭ. 1992 г. № 1.

Ульген пришел в ужас от гадов, их было великое множество. Они окружили Ульгена и не давали ему покоя. Чтобы избавиться от них, Ульген добыл огонь и развел костер. От дыма все гады и наскомые разбежались и разлетелись. С тех пор и люди всегда отгоняют их дымом.

Когда Ульген добывал огонь, за ним подглядывала одна птица — *чер-тарт-куш* — коростель, земляной дергач — та, что так пронзительно кричит по вечерам.

Люди не знали огня, они ели только сырую пищу — корни и травы — и мерзли зимой. Им было плохо жить, и они обратились к Ульгену с жалобой и с просьбой научить их добывать огонь. Но он уже ничего не создавал и не мог их научить. Он сказал, что одна птица видела, как он создал огонь, и она может их научить. Он даже отдал распоряжение птичьему старосте — журавлю *турунга* разыскать эту птицу и просить ее рассказать то, что она видела. Журавль созвал совет птиц и стал спрашивать, кто из них знает, как добыть огонь. Одна из них сказала, что *чер-тарт-куш* видела и знает, и он послал одну из птиц за ней; но *чер-тарт-куш* отказалась отвечать и улетела. Журавль послал другую птицу, но и та вернулась ни с чем. Журавль послал третью птицу, и *чер-тарт-куш* прилетела на птичий совет. Журавль был на нее сердит за непослушание и стал ее бить по ногам своим длинным клювом. От этого клюв его окрасился в красный цвет, а *чер-тарт-куш* теперь всегда хромает на одну ногу. Она так обиделась на журавля, что, ничего не сказав, улетела прочь. С тех пор она не любит быть в обществе птиц и болтать ей стало не с кем, она стала разговаривать сама с собой. Журавль подослал к ней коршуна — *таскаджан*, приказав подслушивать все, что она будет говорить, авось она проболтается, как добыть огонь. Так и случилось. Она болтала о всяких пустяках и наконец сказала: «Чтобы добыть огонь, надо достать два серых камня и ударить их друг о друга». Услышав это, коршун сорвался и мигом прилетел назад, где его ждали птицы. Журавль, узнав о способе добывания огня, послал двух птиц на поиски серых камней и в присутствии людей высек из них огонь. С тех пор люди умеют его добывать.

Есть и другой вариант: люди не знали огня. Им было плохо, и они послали к Ульгену гонца с просьбой научить их добывать огонь. Ульген спустился на землю. У него была борода до самой земли, он в ней запутался, споткнулся и упал. Рядом были дети, и они стали смеяться над ним. Ульген рассердился, топнул ногой и сказал: «Неужели люди такие глупые, что не могут сами найти кусок железа и камень?». Люди услышали и добыли огонь, а Ульген ушел обратно.

Есть и третий вариант: люди страдали от холода и голода, Ульген сжалился над ними и послал к ним ястреба, он один знал как добывать огонь. Ястреб — *кара-кыш* научил людей добывать огонь.

По рассказам кама Алексея (улус Улабыш), камки Татьяны (улус Кечин), кама Николая (улус Кечин) и камки Дарьи (улус Пызас), весь наш мир имеет три части, три «земли».

1. Средняя земля — *ортыда черь* или *бистынг черь* — наша земля.

2. Земля злых духов — подземный мир — *айна черь*.

3. Небесная земля — *Ульген черь* — земля Ульгена, это небо.

1. Средняя земля плоская, посередине стоит гора Пустак. Хозяин этой горы — главный среди прочих хозяев гор, помощников при камлании Ульгену. Гора Пустак (снежная или ледяная, *лус* — значит лед) является центром, «пупом» земли — *чердын кендыги*. Под этой горой вода, вернее, озеро, в котором живет большая сильная старая рыба *кер-балык*. Когда эта рыба шевелится, то земля трясется.

2. Подземный мир — это владение Эрлика. Кроме Эрлика в нем живут *айна* — злые духи, именно туда они забирают душу человека — *кут*, при болезни мучают ее, при смерти съедают. Айна выходят на землю, Эрлик оттуда не выходит. Когда кам камлает о выздоровлении больных, то сам спускается к нему в подземный мир.

3. В «земле» Ульгена имеется девять небес.

На первом — желтом помещается молния *сарыджэ*. Молния — это плоть белого коня Ульгена — *акпозат*. Когда гремит гром, то говорят: «Тенгри кугрепча, кудаи кугрепча или Ульген кугрепча» — «Бог или Ульген гремит». Первое небо называется *кёшкан*. У этого неба есть хозяин Самчи, живет он посреди неба, имеет такой же дом, как у людей, имеет жену и детей. Второе небо называется *кёк-кур* — синий пояс, в нем помещается синяя часть радуги — *тенгри челизе*. На третьем небе — красная часть радуги — *кызыл-кур*. На четвертом — *кыр-кур* — серый пояс радуги. На пятом — *кёктамош-кур* — голубой пояс. Шестое небо называется уже не поясом, а небом — *кызыл-тенгри* — красное небо; живут там красные женщины, но о них ничего не знают. На седьмом небе помещаются луна и звезды. На восьмом — солнце. На девятом небе живет Ульген. Иногда он кладет круги вокруг солнца и вокруг луны. На этом небе всегда светло, всегда тепло, трава там не сохнет и цветы не отцветают. Там всего в изобилии, много зверей и скота. Про это небо говорят: «ёскен оду корулбас» — «трава не сохнет» и «ёлкен кижичизелбес» — «умерший человек не гниет». Камлая Ульгену, просят о благополучии и плодородии. Ульген может все послать людям.

Все живущее на земле обладает душой — и люди и животные.

У человека имеется четыре души.

1. Душа *тын* есть и у человека, и у животных, она ведает дыханием, после смерти исчезает.

2. Душа *кут* ведает здоровьем человека и постоянно подвергается опасности, что ее утащит один из злых духов, помощников Эрлика — айна. Тогда человек заболевает, а если айна съедает кут, то человек умирает. Про умершего говорят: «айна кут чибисте» — «айна съел кут». Если айна возвращает кут — человек выздоравливает. Распорядиться ее возвращением может Эрлик. Его об этом просит кам. Эрлик жадный и может вернуть душу в обмен на жертву.

Большую частью жертвой бывает арака, но в случаях тяжелой болезни приносят в жертву скотину, но тогда уже после выздоровления, как правило осенью, чтобы заодно заготовить мясо на зиму, иногда в счет сразу нескольких камланий. При том кам надевает самую старую, грязную одежду, показывая свое неуважение к Эрлику. Поскольку душа *кут* была создана Эрликом, то считается, что он имеет на нее право. Перед камланием кам смотрит в туес с аракой и определяет, какой именно айна мучает больного. Айна бывают разные: *чер-тегризе* — земляной дух, *башка-тегри* — чужой (другой) дух, *ежик-кормузе* — дверной невидимый: *алчи* — бродяга, *узун-кормес* — длинный невидимый, *ежик-айназы* — дверной, *чебел-небе* — плохой. Эти два последние самые опасные, они поедают душу кут не только у людей, но и у скота, и часто кам не может вырвать ее от них, а после смерти их невозможно бывает выселить из дома, они поедают и души других людей. Приходится бросать жилище со всей утварью и переселяться на другое место. Иногда этого духа видят как мелькнувший огонек или слышат, когда он тащит на себе кут.

3. Третья душа — *сурун-езе*. После смерти человека она остается на земле и бродит возле дома иногда в течение года. Может появляться и дольше. Для того чтобы она не беспокоила домашних, в доме разводят огонь, кам берет лучину, зажигает ее и трижды всех окуривает, затем идет в лес и бросает ее впереди себя.

4. Четвертая душа — *усут* как бы двойник человека. Она должна отправиться в царство мертвых, в подземный мир, но она не хочет расставаться с телом, хочет остаться на земле, и каму приходится уговаривать ее уйти. Она уходит, но часто возвращается обратно. Из подземного мира ее приводит крот — *чукчан* — это конь подземного мира. Чтобы душа ушла, каму надо камлать непременно с бубном. Обычно она уходит на 7-й или 9-й день после смерти. Во время камлания кам разговаривает с душой. Ей дано знать больше, чем живым. Она рассказывает каму, кто из родичей будет долго жить, кто скоро умрет, кто будет болеть, дает разные советы. Еще недавно покойников не хоронили, относили в

лес, укладывали на валежник, прикрывали ветвями. Сейчас зарывают в землю в гробу из ствола дерева на опушке леса, кладбищ у них нет. Могилу засыпают, сверху брызгают аракой и разбрасывают пищу рукой. Так покойника угощают в последний раз. После камлания на могиле все идут в дом покойника, разводят в очаге огонь, кам снова камлает и просит душу не возвращаться назад. У дверей дома ставят один или два куста с абарткой и прикрывают их сетью — *енгме*. Кам окуривает всех горячей лучиной и готовит плот для души усут. иногда плот готовит заранее кто-нибудь из родичей.

Плот делают из девяти пучков — *кобрак* или девяти дощечек длиной 25—35 см, называется он *сал*; к нему делают весла — *ышки*. Кам снова разговаривает с усут, она отвечает, кам угощает ее аракой, и она угощает присутствующих, кам, рассказывая об этом, изображает, что у него в руке чашка с аракой. Такое камлание называется «кара-джолга-урчары-шаачиг» — «черной дороге готовить брызганье». Потом кам как бы берет в руки усут и сажает ее на плот, кладет рядом листовой табак и снова брызгает аракой или абарткой.

После этого все идут к реке, ставят плот на воду и спускают вниз по течению. Кам сначала идет рядом, потом возвращается. Усут плывет дальше одна, подгребая веслами, по черной дороге *кара-джол* в царство мертвых. На гроб кладут лыжи умершего.

При смерти кама его бубен разрывается сам собой, его вешают на березу, около которой хоронят кама. В гроб кладут его одежду.

Тексты камланий над покойником были мною записаны, это как бы переключка между камом и усут. В переводе это звучит так:

Усут: «Я умер без воли моей на это, я умер, и так оно и осталось».—

Кам: «Да, без воли твоей ты умер, так оно случилось».—

Усут: «Жизнь моя была такая короткая».—

Кам: «Такой он ее создал, поэтому ты и умер».—

Усут: «Жизни моей пришли черные годы, от светлого дня я отделился, в место мертвых я иду, жалко, что свет остался, а я умер, оставшиеся живите спокойно» (сёёк Челей).

Или другой текст:

Усут: «Ты побрызгал и теперь я напился».—

Кам: «Ты араку пьешь с изливом, будешь пьяным».—

Усут: «Я пью араку моего брата».—

Кам: «Когда чужой приходит, то собаки лают, а у нас взят человек, и его унести хотят. Нам его душу скрыть надо. Плохой кам пришел, сможет ли он скрыть тебя? Под лавкой скрыть надо. От нас человека уносят».—

Усут: «Ой, кам с черным бубном, к черному камню уходи и бубна больше не держи» (сёёк Кобый).

Роль кама и вообще шаманства в жизни шорцев очень велика. Кам осуществляет связь человека с потусторонним миром, с миром духов и с силами природы.

Каком не может стать каждый желающий. Сам Ульген избирает кама, при посредстве которого может общаться с людьми. Такого человека всегда можно узнать — он имеет на себе отметку Ульгена — *артык суок*, что значит «лишняя кость». Иногда это бугорок на пальце руки или ноги, как, например, у кама Данилы в Байголе (сёёк Сары-шор), или дырочка или ямка в мочке уха, как у кама Алексея в Улабыше (сёёк Челей). Отметку не всегда замечают сразу. Обычно старики, когда ребенку уже исполнилось несколько лет, указывают на нее родителям. Родители обращаются к каму, и он при камлании, общаясь с духами-помощниками этого края, чаще всего с духом-хозяином горы Пустага, узнает, так ли это. Чаще всего это подтверждается, и ребенку уже с детства внушают, что он будущий кам. Реже уже взрослый человек, обычно после болезни, замечает, что у него есть артык-суок, и указывает на нее.

В улусе Атла у старухи Марфы внук, играя, начал камлать, когда ему было три года. У него была отметка — утолщение кости у щиколотки на левой ноге. Вместо бубна он брал сковородку или дощечку и бил в нее, все были уверены,

что он будет камом. Но когда ему минуло 8 лет, он познакомился с детьми русских переселенцев-пасечников на Кондоме, они стали смеяться над ним. Он выучился русскому языку и перестал камлать. Но старуха не сомневалась, что он все равно станет камом, поскольку он отмечен Ульгеном.

Иногда шаманство передается по наследству, и тогда кам, чувствуя приближение смерти, передает своих духов сыну, дочери или внуку, однако при условии, что у них есть артык-суок. Тогда духи помощники — *тёсы* остаются те же. В дальнейшем они могут меняться, но в любом случае главным остается дух горы Пустаг.

Передача духов происходит таким образом: после смерти кама его духи отправляются в подземное царство Эрлика и остаются там, пока не придет время камлать преемнику. Время от времени Эрлик посылает их бродить по земле и узнавать, где есть отмеченный Ульгеном человек. Когда они находят его, то сообщают Эрлику и он посылает к нему айну — духа, несущего болезнь, и человек болеет до тех пор, пока не осознает своего назначения — быть камом. Он зовет к себе настоящего кама, тот при камлании узнает об этом и отказывается его лечить, иначе Эрлик рассердится и накажет его.

Уже во время болезни будущий кам начинает общаться с духами, они приходят к нему во сне и в бреду. Болеет он долго, иногда до трех лет. Его навещает кам и учит камлать. Когда начинается общение с духами — он выздоравливает. Первое общение бывает с духом огня *от-ене*, потом с духом горы Пустаг, затем уже с Эрликом.

Появление кама в семье не всегда желательно. В этом случае бубен и колотушку умершего кама вешают в лесу на молодую березу, подальше от дома, и не оставляют в доме ни одной вещи старого кама. И наоборот, если хотят иметь кама в семье, то железку с подвесками от бубна старого кама затыкают в щель старого амбара, никому не разрешая дотрагиваться до нее.

Чтобы камлать, новому каму нужен бубен, но пока его нет, кам может камлать и без бубна — с рукавицей, веником, с шапкой, со старым луком — *алар* (луки сохранились почти у всех шорцев, из них стреляют дети). Такой кам еще слабый, называется он *шабынчи*. Иногда он может вылечить больного, изгнать небольшого айну, отогнать дождь или рассеять тучу. Такое камлание я описала:

«С утра идет дождь. На этот день назначена байга, свадебный той с угощением во дворе. Дождь угрожает расстроить торжество. Приглашена камка Кёклек из того же улуса. Начала камлать в 7 ч. утра. Никто не должен курить, дым отгоняет *тёсов* (духов). Камлает без бубна и колотушки, для рассеивания тучи этого достаточно. Камка камлала с луком, сидя на низкой скамейке перед очагом, она натягивала лук и щипала тетиву. По мере ускорения ее движений стали собираться к ней *тёсы*. Камка начала дрожать, дрожала все сильнее, голова ее стала дергаться, она стала издавать хриплые звуки как бы выдавливая их из себя животом, потом стала произносить слова, иногда речь бывала понятной, иногда бессмысленной. Она обращалась к грозовой туче — *кёк-пулут*, уговаривая ее уйти. Туча действительно разошлась» (камка Кёклек. Пызас. сёёк Кечин, август 1927 г.).

Такие простые камлания устраивают часто: когда телится корова — над ее первым молоком, перед охотой, над зарезанной лошадей или коровой (над их головой), после сбора урожая с пашни. Перед тем как позвать кама, делают толкан — несколько горстей поджаренного и смолотого зерна (ячменя) разводят водой и из него делают *абыртку* (шорцы) или *орта* (шолганы). Зовут кама, и он этой абырткой брызгает в печь и в углы, и только после этого можно есть пищу из свежесобранного зерна. Камлают всегда близ огня, так как камланию помогает дух огня *от-ене*. Про огонь говорят: «отус пашты от-ене» — «30-головая мать огонь» или «кырык тыш кыс чилан» — «девица змея с 40 зубами».

У шорцев существует много запретов и примет. Например, перед выходом на охоту нельзя подметать пол, нельзя плакать и вообще громко проявлять

Рис. 1. Кам с бубном во время камлания

чувства, видеть во сне пищу — удачи не будет, видеть кедровые орехи — к удачной охоте на белок. Следует ублажать духов гор, т. е. «хозяев» гор. У каждого рода (сёёка) есть своя родовая гора, и духу этой горы отдается преимущество, в сторону горы кропят медвежьим салом или бросают куски мяса, так как духи живут той же жизнью, что и люди, они пьют и едят, переманивают друг у друга зверей и любят играть на дудке *шор*, любят слушать эту игру. *Шорчи* — дударь, *шор-кижи* — человек-дудка.

Шорцы особо почитают медведя. Поскольку считается, что медведь раньше был человеком и хорошо понимает человеческую речь, нельзя произносить *апшак* — медведь (его называют *улу-кижи* — старый человек). Его нельзя убивать, если все же убивают, то просят у него прощения и говорят, что он не убит, а уснул. Прежде чем есть его мясо, бросают куски в сторону горы. Считается, что человеком был еще лебедь, его тоже убивать нельзя. Барсучья лапа — это амулет, предохраняющий от болезни лошадей.

Каму помогают главным образом духи или хозяева гор, шорцы называют их *тёс*, шолганы — *тенгри*. Все духи говорят на языке, который понимает только кам. Во время камлания он с ними разговаривает, произнося нечленораздельные звуки, похожие на мычанье, на лай, криканье, на голоса диких зверей.

Самый главный дух — это хозяин горы Пустаг (или Мустаг, произносят по-разному). *Пус* или *мус* значит «лед, снег», но снежных гор в Шории нет. Возникает вопрос, откуда такое название горы? Сильным духом считается также хозяин горы Арчин (можжевельник). Есть духи гор рангом ниже: Солог, Улугур, Тобор, Тустам, Тарлажак. Особое место занимает дух горы Солог.

Один из главных помощников кама — *кас* — дух гуся, он умен, знает все законы и правила. Кам берет его с собой, когда «ходит» к Эрлику, гусь указывает путь, подсказывает, что сказать и когда, и на обратном пути сообщает каму, выздоровеет ли больной или умрет — надо ли еще камлать и когда.

Начинающий кам сначала камлат без бубна. Разрешение сделать бубен он получает от Ульгена через духа горы Пустаг, но только мужчина; женщина же камка «ходить» к Ульгену не может, женщине делать бубен разрешает Пустаг. Если бубен сделан по указанию Ульгена, то женщина не может к нему даже прикасаться; у шолганов она не может и присутствовать на камланиях Ульгену, у шорцев — может.

Сначала делают, с разрешения Пустага, колотушку, потом бубен.

Изготовление колотушки и бубна. В изготовлении колотушки принимают участие члены как семьи кама, так и его рода. Берут выструганную ветку черемухи (*тамылга*), обматывают тряпкой и зашивают нитками из конопли или конским волосом в кусок белой заячьей шкурки. Хвостик от этой шкурки — *ак-киик* потом пришивают к головному платку кама в знак того, что все его помыслы и действия будут чисты и белы, тогда все духи будут благосклонны к нему. Желаящие члены рода привязывают к одному концу колотушки ленты, к другому концу приделывают кожаную петлю, в которую при камлании продевают руку. Во время камлания колотушку нельзя выпускать из рук, иначе все духи разлетятся и их будет трудно собрать. Готовится абыртка (араку готовят при изготовлении бубна), ее разливают в три кусака (берестяных туеса), которые устанавливают на поляне; рядом ставят скамейку или табурет. Кам садится и начинает камлать, ударяя колотушкой о ладонь, потом встает, кругом стоят зрители. Пустаг сообщает каму, что Ульген разрешил ему сделать бубен и называет ему будущего хозяина бубна, он всегда мужского рода. Пустаг также назначает время для изготовления бубна, обычно осенью или весной, и подробно говорит, как и из чего ему надо делать бубен. Например: у такой-то речки, близ такого-то камня или у большого дерева, растет тальник — из него надо сделать обод для бубна; в таком-то месте (подробно) растет черемуха — из нее надо сделать обруч для обода. Деревья эти растут далеко от дома, там, где не ходит скот и не бегают собаки. Кам должен сам срубить эти деревья и принести к дому. Пустаг указывает, кому надо поручить делать обод. Ручку к нему (*марс* — тигр) делают из березы — указывается, где она растет и какие рисунки и чем (например, тонкими косточками рябчика) надо на нее нанести. Указывается, как и кому сделать железку с подвесками к бубну. После всех этих указаний кам брызгает абырткой в сторону Пустаг и просит ее хозяина, чтобы все приготовления прошли благополучно. Затем пьют абыртку и расходятся.

Примерно за неделю до назначенного срока начинают приготовления к *тур аппаратчиган* — получению бубна и к *тур-той* — празднику бубна. Праздник этот общий, родовой, готовятся к нему все члены рода.

Бубен делается несколькими людьми. Один из них делает обод. Он достает из указанного места тальник, выпиливает из него нужного размера кусок и выстругивает его скребком — *адылга* (которым выдалбливаются лодки и колоды для пчел) и получает тонкую доску нужной ширины. Доска эта в течение нескольких дней вымачивается в реке, становится гибкой. С обеих сторон раскаленным железным прутом сначала прожигают, потом просверливают дырки. Доску изгибают в форме овала, концы стягивают и через дырки сшивают узкими ремешками из лошадиной кожи. Готовый обруч относят каму накануне камлания.

Другой помощник делает ручку для бубна. Он приносит к своему дому березу с указанного места, выпиливает брусок, по размеру соответствующий длинному диаметру полуовала бубна, и обтачивает его. С обеих сторон бруска он вырезает изображения духа-хозяина бубна *тёр-оз*. Вместо глаз вбиваются медные гвоздики с блестящими шляпками. Между этими изображениями лиц духов жжеными косточками рябчика наносится орнамент. Мастер относит готовую ручку каму накануне камлания.

В доме кама концы ручки подтачивают и соответственно их диаметрам в продольных сторонах обода прожигают и прорезают отверстия, в которые вколачивают концы ручки. Потом в обод с одного края прожигают ряд дырочек на расстоянии 3—5 см одна от другой. Другой край обода крепко стягивают

Рис. 2. Изготовление бубна

плетью из мягкого тальника и укрепляют их шнурками из конопляных ниток, продевая в отверстия. Все остатки от березы и тальника сжигают.

Далее кузнец выковывает из железа тонкий прут с небольшими бугорками на нем. Они нужны, чтобы укрепленные потом на нем подвески не сбивались вместе. Прут называется *темир* — железо или *криш* — тетива. Прут вставляют в отверстия обода рядом с ручкой; подвески длинные и узкие, они скручены из железных пластинок, иногда имеют форму листиков. Называются они *сунгмыр* или *кылыш*, и число их бывает равным числу духов-помощников; подчинены они Эрлику, но распоряжается ими иногда дух тенгиз, живущий под землей. Назначение их — охранять духов-помощников от злых духов айна.

За несколько недель до камлания кто-либо из членов рода приносит шкуру убитого в тайге дикого козла — *мыйгак* у шорцев и *киик* у шолганов. Реже берется шкура лошади или оленя. Шкуру вымачивают в реке, привязывая веревками к берегу, и мочат до тех пор, пока шерсть не начинает легко соскабливаться. За день до камлания шкуру раскладывают на деревянной доске, один ее конец упирают в землю, другой держат в руке. Соскабливают шерсть обыкновенным ножом. Затем доску кладут на землю и шкуру многократно поливают водой, перекидывают через забор или любую другую перекладину и несколько человек с силой растягивают ее в обе стороны. После этого кладут бубен на землю во дворе кама, покрывают кожей, натягивают ее и накрепко приматывают к бубну веревками, подсовывают палку и крутят ее, затягивая веревки как можно туже, а кожу оттягивают вниз. В то же время два или три других помощника, стоя над бубном, руками разглаживают и растирают кожу. Убедившись, что кожа хорошо натянута, бубен переворачивают и ножом срезают лишнюю кожу, оставляя лишь несколько сантиметров от края обода.

Эта процедура заканчивается к вечеру, когда разводят костер и несколько человек, чередуясь, коптят бубен в дыму, держа его за ручку, и быстро вертят. Двое, стоя по краям, без перерыва бьют по бубну березовыми вениками и при этом поют ритуальную песню. Кругом собираются жители улуса, вертящий, смеясь, изображает кама, и все смеются. Такое копчение бубна нередко продолжается всю ночь.

Утром на готовый бубен, на натянутую кожу, по указанию кама наносят рисунки. Рисует тот, кто хочет, иногда по очереди, но если кам был назначен Ульгеном, то только одни мужчины, женщины при этом не присутствуют. Вместо

краски употребляют красный камень — *кызыл-таш*, порошок для черного цвета, для белого — мел, а иногда и покупную краску.

На том бубне, который был изготовлен при мне, был следующий рисунок: посреди бубна белая радуга, над ней небо, под ней береза. На небе три больших солнца и одно малое. Под солнцем тёсы: сокол — *кара-куш*, рядом стрелок с луком и стрелой и несколько фигур людей — это хозяева гор. Над радугой белка *маш*. По одну сторону березы лягушка, по другую — змея. Рядом с лягушкой всадник с плеткой — это тёсы. Над змеей опять береза, под березой заяц, под ним ящерица, рядом тёс с луком и стрелой, налево змея и рядом тоже тёс. На березе сокол. У края слева пятиконечная звезда, справа — «1928», хотя это был 1927 год. Оказалось, что оба последних рисунка были сделаны без указания и даже без ведома кама (запись сделана в улусе средний Кечин, сёек Челей, в августе 1927 г.).

На следующий день с утра начались приготовления к камланию. Пришедшие мужчины принесли каму по ленточке или цветному лоскутку — *калаба*, иногда от семьи или от нескольких членов рода, и подвязали их к железному пруту бубна. Подвязывают сначала девять лент, предназначенных девяти тёсам — хозяевам гор, по числу гор по пути к Ульгену; это как бы одежды для тёсов, помощников кама. Остальные ленты подвязывают после камлания, их приносят те, кому кам будет потом камлать, они помогают при изгнании айны.

За несколько дней перед первым камланием каму шьют новую одежду, непременно из белого кендыря, на голову покупают новый белый платок. В одних улусах эта новая одежда надевается перед камланием (улус безас на Кондоме), в других — развешивается на березе. Это означает, что он получает ее от Ульгена и надевает сразу после камлания.

В день камлания приготовления начинаются с утра. Вблизи дома выбирается поляна. Сюда приносят семь или девять (по числу гор) куспачков с абырткой, которую готовят сообща. Аппарат для гонки из нее араки устанавливается поблизости (если она не была приготовлена накануне). Несколько человек идут в лес и срубают две-три молодые березки, врываю их в землю около куспачков, подпирают колышками. На каждой березке делают по девять зарубок — это ступени к Ульгену через девять гор. Береза — это лестница, по которой кам поднимается на девятое небо. На одну из них вешают бубен и колотушку, иногда и новую одежду кама.

Срезают в лесу бересту и делают из нее несколько *тербиш* — плоских коробок типа глубоких подносов. В отдалении от поляны женщины месят тесто из муки с водой. Так же складывают из камней несколько очагов, ставят на них казаны и в них варят или пекут лепешки — *тертпек*, складывают в тербиши и относят к туесам с аракой. Рядом ставят низкую скамейку (или табурет) — *утланчак*, сделанную из березы.

После этих приготовлений начинается камлание. Кам сначала садится на утланчак, потом встает и уже камлат стоя в течение двух или трех часов. Обычно к полудню камлание заканчивается, и тогда сюда собираются уже все члены рода без женщин, пьют и едят.

Таковы приготовления. Сам процесс камлания Ульгену сложен и сопровождается жертвоприношением коня. На самом первом камлании Ульген сообщает каму, сколько раз в жизни он должен сменять бубен и через сколько лет. Например, кам Степан «работает» камом уже 35 лет и бубны сменял через 3, 4, 6 и 8 лет. Кам Сачин (улус Безас) камлал впервые три года назад. Зная, через какие сроки ему надо камлать, кам может высчитать, сколько лет он будет жить. Камлание Ульгену строго родовое, оно имеет целью благополучие всего рода: чтобы члены его были здоровы, чтобы охота была благополучной, град не побил посевы и т. д. Камлают ему либо весной, либо осенью. Заранее готовят жеребца для жертвы; его на предыдущем камлании назначает сам Ульген (иногда еще не родившегося) от такой-то кобылы, и он должен быть особой масти для каждого рода: для рода сарыг-шор — каурой, для кара-шор — игреневой,

для рода челей — тоже каурой. Хозяин не только не жалеет отдать своего коня, но считает это для себя честью.

С самого рождения видно, что жеребенок особенный: к нему не пристаёт репейник, он убегает от других лошадей, бродит в лесу один. При принесении в жертву ему не должно быть более семи лет, желателен трехлетний. Называется он *чебага*, на нем никто не должен ездить, даже без седла, узду на него надевать нельзя, он не должен общаться с кобылой. За этим следит не только его хозяин, но все члены рода, он как бы общий. На нем не должно быть ни одного пятнышка.

Перед камланием жеребца приводят и готовят к жертве. Вблизи большой березы к его ногам привязывают арканы, валят его вниз головой, растягивают ноги в разные стороны и душат травой так, чтобы не пролилось ни капли крови. Жертвенный жеребец называется *арыг байана ада* — «чистый дух-отец» или *байана Ульгенын* — «дух Ульгена». При этом обряде не присутствуют как женщины, так и юноши моложе 16 лет, но мясо убитого жеребца им есть потом разрешается. Во время удушения начинают гнать араку.

Одновременно с приготовлением коня для жертвы кам начинается уже с новым бубном, ударяя в него рукой. Он садится на табурет и рассказывает о своем пути к Ульгену — о следах зверей, которых будет много зимой, о дорогах, по которым идет, — это будут пути, удобные для охоты. Описывает свой путь — через Золотое (Телецкое) озеро и Золотой Гребень (хребет Алтын-Марген). По пути как бы останавливается у «хозяев» гор вдоль р. Мрассу, у селений Усть-Кобырза, Азыр, Кичик-Гёлен, Тайга, Улуг-Гёлен, Шакчак. Заходит к «хозяину» огня — *от-ене*; в это время кто-нибудь берет палку, расщепленную с одного конца, со вставленной в расщеп берестой (ала-азак — «пестрая нога»), зажигает бересту о костер, подходит к каму. Кам высоко поднимает бубен и подбрасывает его вверх — это означает, что он начинает подниматься к Ульгену, как бы проваливается в первый слой неба, потом и в следующие слои. Человек с факелом трижды окуривает бубен и говорит «алас, алас», и все за ним повторяют «алас, алас» (это слово перевести не смогли). Окуривание бубна называется *аластапча тудун иштапча* — окуривание аласа дымом. Последняя гора — Шакчак, после нее уже небо. Последний след, который видит кам на своем пути, это след соболя.

Во время камлания присутствующие вырезают из бересты маску с отверстиями для глаз и с завязками из конского волоса, из ствола тонкой березки стругают палку длиной около 60 см, изображающую фаллос жеребца. Когда кам говорит о следах соболя, люди по очереди надевают маску, садятся верхом на эту палку, изображая собой жертвенного жеребца — кучиган, и скачут, вырывая друг у друга и палку и маску, надевая ее на себя. Это магическое действие направлено на увеличение плодородия среди соболей, самых ценных пушных зверей. Шорцы верят, что соболю находится в непосредственном ведении Ульгена, и каждый стремится таким образом обеспечить себе удачную охоту на соболя.

Во время камлания разделяют тушу жеребца, мясо варят в казанах. Пока оно варится, у большой березы врывают в землю кол с развилкой или расщепом. В него вставляют длинный шест и на его конце укрепляют шкуру задушенного коня. Эта шкура на шесте высоко поднимается над березой. Ее здесь оставляют навсегда. Шкура высыхает, и многие годы спустя ее обрывки болтаются на шесте. Такие сухие шкуры можно часто видеть на полянах среди тайги.

У шолганов, живущих ближе к алтайцам, жеребца не душат травой, но, пригибая к земле верхушки двух берез, крепко привязывают к одной из них правые ноги коня, к другой — левые, отпускают вершины деревьев, они, с силой распрямляясь, рвут коня на части, льется кровь, свешиваются внутренности, куски шкуры остаются на деревьях, высыхают, внутренности и мясо склеивают хищные птицы, в казанах тогда варят другую еду. Этот обычай заимствован с Алтая.

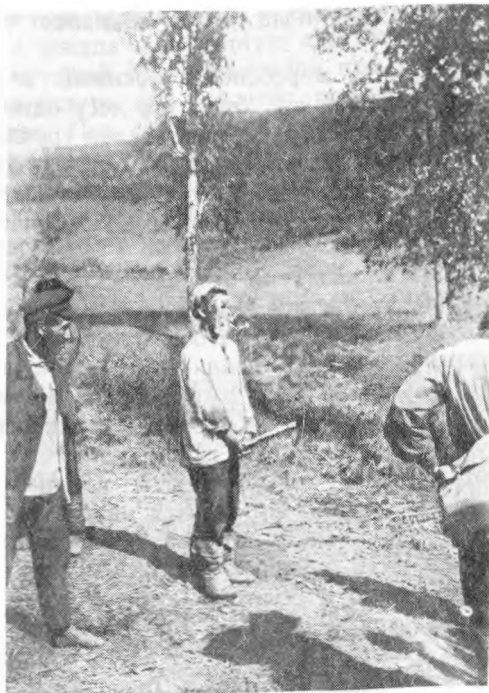

Рис. 3. Изображение жертвенного жеребца-кучичан

Шорцы под той березой, где на шесте подвязана шкура коня, строят из березовых ветвей небольшой шалаш. После того как мясо съедено, тщательно собирают все кости и складывают в этот шалаш. При еде мясо запивают абырткой и аракой. Остатки пищи и питья в берестяных куспаках оставляют под березой. Одни шорцы считают, что это тоже жертва Ульгену, другие — что кости и оставшееся мясо могут воплотиться в следующего жертвенного жеребца — сына Ульгена. Подвешенная шкура называется *чиолту* или *ат-нырпагы*, любая другая называется *тёрё*.

Выводы. Таким образом, шорцы — это бродячие лесные охотники, еще до недавнего времени не знавшие скотоводства и земледелия, не имевшие ружей, стрелявшие стрелами из лука, не умевшие — в большинстве случаев и сейчас не умеющие* — использовать звериные шкуры для одежды и по всем признакам не являющиеся аборигенами этого края. Вопрос о том, могли ли они прийти сюда с севера, сам собой отпадает: не имея меховой одежды, они не могли бы выжить. Они никогда не жили ни по руслам, ни в устьях рек таких, как Обь или Енисей, никогда не умели ловить рыбу. На этом основании полностью отпадают предположения как В. В. Радлова, так и В. Г. Богораза о том, что они пришли с севера и что шорцы — это «отуреченные» ханты или остяки. Их прародину следует искать на юге.

У шорцев сохраняется родовой строй со старейшиной во главе. Но патриархат, по-видимому, возник у них не так давно: имеются и сейчас пережитки материнского строя — в классификации системы родства, психических запретах и формах брака. Похищение (умыкание) невесты осталось в виде его имитации, только для соблюдения обычая. Молодые договариваются. Молодой заходит за невестой, но так, чтобы его никто не видел; прячась от людей, они выходят за околицу, где их ждут его приятели с лошадьми. Они вдвоем садятся на одну

*Все это относится к 1927 г.

лошадь и едут в сёек жениха (жену берут только из другого рода), но в дом не заходят, некоторое время прячутся в амбаре (селение Улабыш). Потом просят прощения у родителей жениха, и те, по его просьбе, отправляются к родителям невесты и уже здесь договариваются и о калыме, и о приданом. После этого молодая впервые входит в дом свекра (улус Кыйзас) и кланяется во все стороны. Свекровь льет масло в огонь и обращается к духу огня с просьбой принять ее в дом. Наконец устраивается *той* — свадьба, приходят гости любого сёека, даже из дальних улусов, ночуют в амбарах или у соседей. Хозяева режут корову, кто побогаче — лошадь. Перед домом строят шалаш из досок, прутьев, тонких стволов, на пол, на хворост кладут кошмы или матрас и внутри вешают на сук ружье жениха и его патронташ в знак того, что он охотник и хочет, чтобы и его дети тоже были охотниками. В улусе Пызас при этой церемонии в шалаше подвесили даже икону. Вокруг шалаша раскладывают доски для сидения гостей, а перед шалашом зажигают костер. Молодые садятся у входа в шалаш, гости кругом. Жених разливает араку, подносит первым отцу и матери, потом родственникам и гостям. Старшая родственница жениха достает медные кольца и надевает их на указательные пальцы молодым, все довольны, пьют и веселятся, все время наполняя кружки аракой. Родственников невесты здесь нет. Через несколько дней молодые идут или едут мириться с ними. Эта церемония называется *чараш*. Иногда чараш бывает не сразу, а через несколько месяцев — тогда, когда у молодого наберутся деньги, чтобы выплатить калым, или едут, чтобы договориться о рассрочке (от 30 до 50 руб.). Уже после этого родители молодой начинают готовить приданое и некоторое время спустя его дают. Обычно в приданое входит: лошадь или корова, одежда, головные платки, одеяла, посуда. О приданом договариваются с родителями молодого, а сами молодые при этом не присутствуют, ждут в другом доме. Это называется примирением. По окончании его зовут молодых и снова происходит церемония: первой входит молодая, подносит родителям араку и кланяется. Отец черпает араку ложкой и брызгает в огонь, просит хорошей жизни молодым (улус Улабыш). Регистрации брака в сельсовете не бывает. Иногда случаются разводы, их санкционирует старейшина рода, можно снова жениться, но жена может быть только одна.

Согласно обычному праву, существуют следующие нормы.

1. Нельзя брать жену из своего сёека.
2. Можно жениться на дочери брата матери, на сестре мужа сестры.
3. Если женятся на вдове, то калыма не платят.
4. Девушка может выйти замуж за сына брата или сестры матери, но выйти замуж за брата матери нельзя.
5. Если вдова снова вышла замуж, то ее сын не может жениться на сестре ее мужа.

Как пережиток матриархата существует еще праздник *тёргюн* (перевод не ясен). Два-три раза в год в семью приезжают в гости родственники только по женской линии: сестра с мужем, дочь с мужем, и их сопровождают и другие родственники вместе с детьми, обычно человек восемь-десять (улус Кечин). Они привозят два туеса с аракой. Из одного пьют по дороге и остатки прячут в лесу, чтобы выпить на обратном пути. Другой туес привозят хозяину, и он прежде всего брызгает из него в огонь, черпая ложкой, и при этом говорит: «Ма ирус берзын» («Мне счастье пусть дает»), «Андыш бол безин» («Ссоры пусть не будет»), «Абыр иженг ныр» («Спокойно жить будем»). И первому подносит тому, кто привез араку, например мужу дочери. Вообще обрядность у шорцев строго выдерживается. В ней сохраняются следы разных эпох: похищение невесты соседствует со сватовством, калым с приданым, так же как и вера в Ульгена и Эрлика, в духа огня и в духов гор, причем большую роль играет гора Пустак (или Мустак) — снежная гора, которой в Горной Шории нет. Следовательно, она есть там, откуда они пришли.

Гора Мустак-ата — это одна из самых высоких вершин Восточного Памира. Ее точное местоположение — хребет Кызыл-Ярт, между долинами рек Мургаба

и Кашкадарьи, высота ее 8600 футов. Эту снежную гору описал знаменитый путешественник Свен Гедин. Об этом написано в книге Элизе Реклю «Человек и Земля» (1908. Т. 1. Гл. III. с. 281): местное население тюрки, и на горе Мустаг они помещают свой рай: «Там наверху прелестная долина, под деревьями змеится река, впадающая в озеро. Белый верблюд пасется на сочной траве, прекрасные длиннородые старцы в белом ведут беседы в тени сливовых деревьев. Тысячи веков стоит там город Янайдар, населенный бессмертными жителями, вечно счастливыми и веселыми».

Посмотрев на карту, вижу: это Джунгария, и отлогий путь среди высоких гор ведет прямо на север. Это так называемые «джунгарские ворота», почти по прямой линии на север они ведут в Кузнецкую тайгу. Если шорцы отделились от тюркоязычного населения Джунгарии и ушли, то путь для них мог быть только один — по джунгарскому проходу в Горную Шорию. Вероятно, и алтайцы и другие тюркоязычные народы тоже вышли оттуда. Но шорцы, сохранившие свой полукочевой быт, ушли, очевидно, последними.

Mountain Shoria and the Shor People

The article is based on materials gathered by the author in 1927 in Mountain Shoria and describes the native population of the region, with interesting data on their social, spiritual and material culture.

J. D. Hlopina